
Философско-методологические проблемы

ОТ ПОТОКА К СТРУКТУРЕ СОЗНАНИЯ

В.П. ЗИНЧЕНКО

Зинченко Владимир Петрович — ординарный профессор факультета психологии ГУ ВШЭ, академик РАО, доктор психологических наук. Автор около 400 опубликованных работ, многих книг и учебников, среди которых: «Посох Манделъштама и трубка Мамардашвили» (1997), «Мысль и слово Густава Шпета» (2000), «Психологические основы педагогики» (2002).
Контакты: zinchRae@yandex.ru

Резюме

В статье рассмотрены различные подходы к изучению сознания, развивавшиеся У. Джеймсом, Г.Г. Шпетом, М.М. Бахтиным, Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым, М.К. Мамардашвили. Дана оценка нейрофизиологического редукционизма. Подробно рассмотрены свойства сознания: диалогизм и связанные с ним культурно-исторические истоки сознания; бытийность, смысловые черты, полифония сознания. В качестве средства изучения сознания рассмотрено «полифоническое мышление» (М.М. Бахтин). Метафора потока сознания дополнена метафорой ткани сознания. Сформулированы требования к структурированию сознания и кратко описана предварительная версия его структуры.

Ключевые слова: *сознание, значение, смысл, полифония, континуум бытия-сознания, пространство смысла и понимания, биодинамическая и чувственная ткань (fabric), поток, ткань, структура сознания*

Человеку и человечеству нужно
бодрствующее сознание, а не только

бодрствующий мозг. К сожалению,
эта очевидность требует доказательств,

в том числе и напоминания о былых аргументах. В книге «Возвращение из СССР», написанной Андре Жидом после визита в СССР в 1936 г., читаем: «И я не думаю, что в какой-нибудь другой стране, хотя бы и в гитлеровской Германии, сознание было бы так несвободно, было бы более угнетено, более запугано (терроризировано), более порабощено» (Жид, 1990, с. 544). Это порабощение, начавшееся в 1917 г., длилось еще долгие десятилетия. И тем не менее нужно признать, что главные достижения в изучении сознания относятся именно к тем временам. Настоящий текст — дань уважения Г.Г. Шпету, М.М. Бахтину, Л.С. Выготскому, О.Э. Мандельштаму, М.К. Мамардашвили, их *поступающему сознанию, поступающему мышлению и жизни-поступку*. Они выполнили свое предназначение, о котором точно сказал М.К. Мамардашвили: «И мы должны быть готовы, чтобы в стране развивалось правовое договорное сознание. Если мы действительно хотим преодолеть мыслительную неграмотность народа и самой власти» (см.: Сенокосов, 2009, с. 12). Эти слова были произнесены более 20 лет тому назад. Не могу сказать, что сейчас наблюдается избыток такой готовности. А между тем нужна в ней не уменьшается. Т. Фридман сказал, что сегодня мир становится «плоским». Наблюдается и уплощение человеческого сознания. Вымечтанная В.И. Вернадским ноосфера — вовсе не обязательное и не автоматическое следствие глобализации экономики, развития информационных технологий и пр. Ноев ковчег, в котором плывет человечество, может ведь превратиться в параноеву

плоскодонку или в корабль дураков, что в истории уже случилось.

Методологические замечания

Начну с того, что проблема сознания — одна из сложнейших не только для истории, но и для будущего науки. Мало очертить предмет исследования, нужно еще найти адекватный ему инструмент, который должен стоять между исследователем и найденным предметом. Хорошо физикам, которые между собой и своим предметом ставят прибор. Но и они признают, что наблюдатель (и наблюдение) оказывает влияние на результаты. Представители физиологической психологии и когнитивной нейронауки ставят между собой и сознанием прибор и мозг, что, как минимум, удваивает ошибку. Я уже не говорю о нелепости отождествления сознания с мозгом. Душу изгнали из психологии, потому что ее не нашли в мозгу. Но странным образом для таких сил души, как сознание и мысль, в нем оказалось место. К сожалению, когнитивную науку создавали не Р. Декарт с Б. Спинозой, не М. Вертгеймер с К. Дункером, не Э. Клапаред с Ж. Пиаже, не М.М. Бахтин с Л.С. Выготским. А «когнитивную» нейронауку — не Ч. Шеррингтон с А.А. Ухтомским и не Н.А. Бернштейн с А.Р. Лурией. Когда названные ученые приходили к мысли или когда мысль приходила к ним, они делились ею с коллегами, делали достоянием науки, а не прятали ее в своем мозгу.

Философы, лингвисты, психоаналитики ставят между собой и сознанием в качестве «прибора» слово, язык (текст), что резко ограничивает

изучение внеязыковых потенций сознания, в том числе и самого слова, сливающегося с мыслью, действием, поступком. Не нужно доказывать, что «поток слов» или «словоизвержение» не эквивалентны потоку сознания, хотя слово, конечно, представляет собой важнейший инструмент исследования и богатейший источник знаний о сознании, о духовной и психической жизни. Не только источник знаний, но и эффективное (иногда даже слишком!) средство воздействия на эти сферы. Забегая вперед, скажу, что слово — это «прибор», который дает наибольшие сведения о рефлексивном слое сознания и значительно меньше сообщает о его бытийном слое. Аналогичные трудности имеются у психологии, которая использует в качестве инструмента внутреннее наблюдение и понимающую интроспекцию. Есть и другие школы в психологии, которые либо признают сознание эпифеноменом, либо ставят между исследователем и сознанием реакции, поведение, деятельность. Первый случай — это пренебрежение сознанием, второй — изучение лишь сознания, инкапсулированного в этих актах, но не выходящего за их пределы трансцендирующего сознания, придающего таким актам ценность и смысл.

Успех М.М. Бахтина (не уверен, окончательный ли?) определяется тем, что он в качестве предмета и инструмента изучения сознания предложил диалог между двумя сознаниями. При этом он категоричес-

ки заявил: «Одинокое сознание — иллюзия или ложь и узурпация» (т. 6, с. 323)¹; «Никакая нирвана не возможна для одного сознания. Одно сознание — *contradicto in adjecto*. Сознание по существу множественно. *Pluralia tantum*» (т. 5, с. 345). Ход мысли М.М. Бахтина вполне естественно-научный: введение предметов во взаимодействие позволяет открывать неизвестные до такого взаимодействия свойства обоих. Казалось бы, все просто: сознание — «не то, что происходит внутри, а то, что происходит на границе своего и чужого сознания, на пороге. И все внутреннее не довлеет себе, повернуто вовне, диалогизировано, каждое внутреннее переживание оказывается на границе, встречается с другим, и в этой напряженной встрече — вся его сущность» (т. 5, с. 343–344). Во всяком случае до сих пор лучшего пути изучения сознания никто не предложил. Но нельзя сказать, что многие на него встали. Верно выразился Дж. М. Кейн: «Трудности создают не новые идеи, а освобождение от старых». Освобождение сознания от «схематизмов сознания» — дело действительно чрезвычайно сложное, очень нужное, но, как показывает опыт изучения сознания, почти безнадежное.

Как это ни парадоксально, но их преодолению способствует чтение старых книг. Вспомним не слишком новую книгу «Принципы психологии» (1890) У. Джеймса, предложившего весьма прозрачную и вполне натуралистическую метафору «потока

¹ В ссылках на собрание сочинений М.М. Бахтина в тексте указываются номер тома и страница.

сознания», который дан в самонаблюдении. В каждом из нас, когда мы бодрствуем, и часто, когда спим, происходит процесс сознания. Это означает, что имеется поток, порождающий ряд состояний знания, чувств, желаний, намерений, в котором заключается наша внутренняя жизнь. Существование этого потока составляет главный факт, а его природа и происхождение составляют главную проблему нашей науки. Согласно У. Джеймсу, в таком потоке невозможно вычленивать «атомы» и «ассоциации», как жесткие связи между ними, а можно увидеть постоянное изменение качеств, наличие смутных и малоосознаваемых содержаний, отчетливую избирательность сознания и т. д. Изображение потока сознания и самосознания героев — это художественная доминанта творчества Достоевского. «Герой Достоевского — весь самосознание» (т. 6, с. 60–61). М.М. Бахтин не использует термин «поток», так как он подразумевает монологическое течение сознания. Он писал, что «Достоевский искал такого героя, который был бы сознающим по преимуществу, такого, вся жизнь которого была бы сосредоточена в чистой функции осознания себя и мира» (т. 6, с. 60). Ф.М. Достоевский, как бы идя навстречу пожеланиям М.М. Бахтина, находил или создавал таких героев, которые, демонстрируя работу своего то ли больного, то ли чрезмерно богатого сознания, решали не пустячные задачи: «мысль разрешить», «найти Бога», найти ответы на «последние вопросы». Он описывал уже не «горе от ума», а «горе от сознания». Нередко поток сознания героев Ф.М. Достоевского тек вспять или

трагически прерывался. Метафора потока недостаточна еще и потому, что поток — это стихия, которая естественным ходом событий распадается и вырождается. В него нельзя войти дважды. Должны быть структуры, его останавливающие и препятствующие распаду (Мамардашвили, 2009, с. 79).

Редукция – бич сознания

В 1925 г. Л.С. Выготский, сетуя на то, что стирается всякая принципиальная грань между человеком и животным (очень возможно, что он имел в виду ситуацию не только в науке), написал: «Биология пожирает социологию, физиология — психологию» (Выготский, 1982, т. 1, с. 80). Орешки, видимо, оказались не по зубам. Обе науки все еще живы. Тем не менее проблема сознания предстала настолько сложной, что многие психологи, философы, лингвисты, не справившись с ней, охотно передоверили ее решение физиологии и нейронауке. Последние, недолго думая, взялись за ее решение и приступили к поискам нейронов сознания. Точнее сказать, не приступили, а продолжили, хотя еще У. Джеймс решительно отверг появившуюся в его время нелепую точку зрения, что каждая мозговая клеточка одарена особым сознанием. Думаю, что и Э. Гуссерль сильно бы удивился, узнав, что его метод феноменологической редукции сознания настолько эффективен (и феноменален!), что с его помощью стало возможно полностью редуцировать человеческое сознание к функциям отдельных нейронов. По этому поводу можно лишь заметить, что есть разные способы

противодействия изучению социально опасной проблемы сознания: от прямого его запрета при тоталитарных режимах до редукции сознания к тому, что явно сознанием не является, но вызывает трепет у обывателя. Его воображение поражает непонятность, сложность и стоимость позитронно-эмиссионной томографии, которая якобы необходима для изучения сознания, поток которого нейронаука перенаправляет из внешнего и внутреннего миров в мозг. История повторяется. В свое время, кажется, Э. Боринг предложил язвительное определение интеллекта: интеллект — это то, что изучается с помощью тестов на интеллект. Так и нейронаука понимает под сознанием то, что она изучает с помощью создаваемых в ней методов исследования. По этому поводу можно лишь заметить, что в «нейронах сознания» представители нейронауки ничего другого, кроме своего собственного наносознания, найти не смогут.

Со времени возникновения когнитивной психологии (конец 1950-х — начало 1960-х годов) происходило постепенное увеличение объема достаточно претенциозного понятия-эпитета «когнитивный». Появились когнитивная психология и когнитивная лингвистика, а затем весьма аморфная когнитивная наука. Последняя, утратив эмпирическую почву, из которой выростали ее предшественницы, обрела ее в фантоме когнитивной нейронауки, впитавшей все иллюзии и умножившей авансы и амбиции физиологической психологии. Ее фантазии выдаются за твердо установленные факты: «Каждая наша мысль — прочная или мимолетная, рациональная или

иррациональная — физически находится в мозгу» (Пинкер, 2006, с. 42). Еще один пример: «Новое представление заключается в том, что разум имеет материальное воплощение. Мозг вызывает мысли в виде концептуальных рамок, образов-схем, прототипов, концептуальных метафор и концептуальных смесей. Процесс мышления — это не алгоритмическая манипуляция символами, а скорее нейрональное вычисление с использованием механизмов мозга» (Лакофф, 2006, с. 51). К своему перечню автор добавляет эмоции и делает общее заключение: «Все эти механизмы воплощены — они связаны с мозговой структурой и нейрональными вычислениями — с одной стороны, и телесным опытом — с другой» (там же). По мнению Лакоффа, мозг содержит бестелесный опыт (?!). Спасибо и на том, что авторы локализируют мысль, т. е. существо человека (по Р. Декарту) в верхней части человеческого тела, в отличие, например, от TV, которое слишком часто на потребу публике демонстрирует и культивирует существо человека в телесном низе. Когнитивную нейронауку можно поздравить с очередным достижением. Г. Крейман с соавт. (2002) обнаружил у эпилептика нейрон, отзывающийся только на портрет президента Билла Клинтона (причем в разных вариантах) и молчащий при предъявлении 49 портретов других лиц (см. также: Соколов, 2004). Ценность этого исследования неизмеримо бы повысилась, если бы нейрон сказал еще и о том, как его хозяин относится (*co*-относится) к президенту.

Когнитивная нейронаука, как и до нее физиологическая психология

изучают не сознание в его работе, течении, беге, активном покое и даже не его феномены, а фантомы сознания, которые похожи на «фантомы ампутированного» (начало исследования последних положено Д. Кацем после Первой мировой войны). Смешанное (чтобы не сказать смешное) впечатление производят консерватор Стивен Пинкер и демократ Джорж Лакофф, всерьез спорящие о политике на языке нейронауки. Простим известным гуманитариям их неосведомленность в том, что первые обещания физиологов *объяснить* всю душевную жизнь человека были даны Ф. Хагеном в 1847 г. Хотя даже они должны были бы знать, что против такой мифологизации и мистификации проблемы сознания возражали не только У. Джеймс, Г.И. Челпанов, но и замечательные физиологи Ч. Шеррингтон, А.А. Ухтомский, И.П. Павлов, нейропсихолог А.Р. Лурия и др.

Не молчали и философы-профессионалы — Э.В. Ильенков, М.К. Мамардашвили. Прислушаемся к последнему: «Можно, например, показать, как те или иные сознательные состояния вызываются процессами в нейронах головного мозга и комбинациями их активности. Но, независимо от успеха или неуспеха попытки такого рода, ясно, что знание о нейронах не может стать элементом никакого сознательного опыта, который (после получения этого знания) порождался бы этими нейронами. Так вот, это и есть один из шагов редукции: в объяснении образований сознания понятие нейрона является лишним, лишней сущностью, поскольку, в принципе, ни в какой воображаемой культуре, ни в

каком воображимом сознательном существе эти процессы, вызывающие, как мы знаем (я слово «знание» подчеркиваю), активность сознания, не могут стать элементом сознательного опыта» (Мамардашвили, 1984, с. 28). И если голова (мозг) и мир будут-таки в конце концов описаны с предельно возможной детализацией в физических (физико-химических) терминах в реальном пространстве и времени, то психическое все равно окажется особым срезом и аппарата отражения (мозга), и отражаемых в нем состояний, и объектов мира, не сводимым ни к тому, ни к другому и живущим в квазипредметном измерении бытия (см.: Зинченко, Мамардашвили, 1977, с. 119).

Наконец, следует напомнить представителям физиологической психологии и «когнитивной нейронауки», что Ф.М. Достоевский сумел прослушать диалогические отношения повсюду, во всех проявлениях осознанной и осмысленной человеческой жизни. Он боролся с механическим материализмом, с модным физиологизмом (т. 6, с. 51). И тем не менее до сих пор остается актуальной задача преодоления главного схематизма обыденного представления, согласно которому сознание является функцией мозга, что равносильно его отрицанию. Хвост (и в науке) по-прежнему силится управлять собакой, но мозг как был, так и остается лишь органом (к тому же не единственным) жизни, психики и сознания. Тем он интересен многим наукам, в том числе и психологии. Чтобы когнитивная нейронаука не сочла себя ущемленной в своих претензиях, скажу, что и само сознание всего лишь орган (не анатомический,

а функциональный), притом орган не только отдельного индивида, но и социума, а в перспективе глобализации — всего человечества. Правда, последнее, видимо, есть не более чем очередная утопия.

Разумеется, редукция — это допустимый и полезный прием научного исследования, упрощающий его предмет. Упрощающий, но не подменяющий его. Иначе получается не пастернаковская простота, а такая, которая хуже воровства. Редукция же сознания ли, психики ли к мозгу есть их отрицание. Более ста лет тому назад в контексте обсуждения амбиций физиологической психологии Г.Г. Шпет заметил: «К сожалению, не все можно отрицать. Например, отрицать достаточное основание для самого отрицания уже никак нельзя» (Шпет, 2006, с. 165; см. также: Зинченко, 2009). В свете сказанного важно вспомнить и восстановить культурный облик и образ размышлений о сознании и продолжить их.

Общая характеристика сознания

Обращусь к столь же давней, как и метафора потока, характеристике двоякого значения слова «сознание», как оно представляется для самонаблюдения: «Один раз оно будет обозначать известного рода процесс, связанный с деятельностью нашего я, — деятельность эта такого рода, что всякое душевное переживание, всякое проявление нашего я непосредственно, сейчас же, во время самого проявления нам будет известно, другой раз сознание обозначает материал душевных переживаний, накопленный как результат назван-

ной деятельности. Оба раза, следовательно, речь идет о деятельности моего я — один раз подчеркивается сама эта деятельность, другой — материал, к которому она применяется» (Шпет, 2008, с. 197). Когда говорится о деятельности сознания, то это означает, что сознание, психические процессы с самого начала привлекаются к анализу не как отношения к действительности, а как отношения в действительности, т. е. действительные отношения или живые формы — формы бытия. О такой деятельности сознания «без саморефлекса» (М.М. Бахтин) или без Я пойдет речь далее. Но и за этой кажущейся очевидностью скрывается чудовищно сложная для понимания и исследования ситуация: не только я в мире, но и мир во мне, и в моем сознании они даны оба, хотя они часто смешиваются один с другим. И в этом же сознании представлены вступающие в диалог, а то и в конфронтацию, разные я, каждое из которых обладает своим сознанием. (М. Пруст говорил о «роистом я», В.С. Библер о «многояйности».) Разумеется, представлены и другие люди. Представлено, хотя и смутно, сознание, а порой даже и понимание своего собственного сознания. Примем эту характеристику сознания в качестве рабочей. По мере изложения она будет обогащаться.

Не проще изучение и чужого сознания. М.М. Бахтин решительно возражал против любых форм овеществления сознания: «...Чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, как вещи, — с ними можно только диалогически общаться. Думать о них значит говорить с ними,

иначе они тотчас же поворачиваются к нам своей объектной стороной: они замолкают, закрываются и застывают в завершенные объектные образы» (т. 6, с. 80).

Прежде чем «останавливать» поток и структурировать сознание, отмечу его основные свойства, выделенные М.М. Бахтиным². Как будет показано ниже, это другие свойства по сравнению с теми, которые выделяются в психологических исследованиях сознания. М.М. Бахтин даже делает комплимент психологии, говоря, что для нее сознание есть познавательный объект, *особым образом сконструированный*. Но тут же он указывает главный порок такого подхода: изучается психологически пассивное сознание (сознание-объект) (т. 1, с. 164). Задача, следовательно, состоит не только в том, чтобы сконструировать сознание как динамический объект, но и представить его подобным личности, духу, обладающим активностью, свободой и спонтанностью.

Меня в первую очередь будет интересовать хотя и персональное, но многоголосое, диалогическое сознание. М.М. Бахтин, отвергая возможность существования как одного, так и единого сознания, не отрицал существования абсолютного созна-

ния («ничейной сферы сознания»), но не делал его предметом своего анализа: к абсолютному сознанию можно только приобщиться, однако его нельзя видеть, как завершенное целое (т. 1, с. 102). По ходу характеристики свойств сознания я буду выделять его источники или образующие его компоненты. В свое время А.Н. Леонтьев, подчеркивая многомерность сознания, в качестве первой такой образующей (конституирующей) назвал чувственную ткань «конкретных образов реальности, актуально воспринимаемой или всплывающей в памяти, относимой к будущему или даже только воображаемой» (Леонтьев, 1977, с. 133). Двумя другими «образующими сознания», согласно А.Н. Леонтьеву, являются широко понятое значение и смысл (личностный). Как будет показано далее, число образующих (голосов), указанных А.Н. Леонтьевым, явно недостаточно для представления подлинной «многомерности» и многомирности сознания (полифоничности).

Диалогизм и культурно-историческая природа сознания

М.М. Бахтин утверждает диалогизм не только сознания, но и всей человеческой жизни: «Жизнь по

² Я, конечно, знаю об антипсихологизме М.М. Бахтина, понимаю и даже частично принимаю его, но тем не менее считаю М.М. Бахтина выдающимся психологом XX в. Между прочим, он и сам грешен в психологизме: он ведь психологизировал понимание диалектики, характеризуя ее как «застывший диалог», и теории познания. Это дает мне право психологически трактовать эстетические взгляды М.М. Бахтина, каждый раз не оговаривая это специально. Перефразируя Иосифа Бродского, скажу, чтобы «психологическая правда» стала настоящей правдой, к ней должен быть *прибавлен элемент Искусства*. Это понимал Л.С. Выготский — автор книги «Психология искусства». В контексте размышлений об эстетике Выготский писал: «Кто разгадал бы клеточку психологии — механизм одной реакции — нашел бы ключ ко всей психологии» (Выготский, 1982, т. 1, с. 407).

природе своей диалогична. Жить — значит участвовать в диалоге: вопрошать, понимать, ответствовать, соглашаться и т. п. В этом диалоге человек участвует весь и всю жизнь: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками. Он вкладывает всего себя в слово, и это слово входит в диалогическую ткань человеческой жизни, в мировой симпозиум» (Бахтин, 1979, с. 318). Понятие «диалогическая ткань» нам понадобится в дальнейшем при характеристике сознания.

Термин «индивидуальное сознание» весьма условен. Событие сознания может совершиться лишь при двух участниках, что предполагает два несопадающих сознания, пусть даже совмещенных в одном лице. Одинокого сознания быть не может, поскольку оно диалогично по природе: «Сознание слагается и осуществляется в знаковом материале, созданном в процессе социального общения организованного коллектива. Индивидуальное сознание питается знаками, вырастает из них, отражает в себе их логику и их закономерность. Если мы лишим сознание его знакового идеологического содержания, от сознания ничего ровно не останется» (Волошинов, 1929, с. 14). Подобная логика характерна и для Л.С. Выготского, утверждавшего интериндивидуальное происхождение высших психических функций, в том числе, разумеется, и сознания. Продолжу выписку: «Сознание может приютиться только в образе, в слове, в значащем жесте и т. п. Вне этого материала остается голый физиологический акт, не освещенный сознанием, т. е. не освещенный, не истолкованный знаками» (там же).

И наконец: «Знак может возникнуть лишь на МЕЖИНДИВИДУАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ, причем эта территория не «природная» в непосредственном смысле этого слова... Необходимо, чтобы два индивида были социально организованы» (там же).

Утверждение диалогической природы сознания эквивалентно утверждению его культурно-исторической природы, на чем настаивали Г.Г. Шпет, М.М. Бахтин и Л.С. Выготский. «Игра и жизнь сознания: слово на слово — диалог», — писал Г.Г. Шпет, а «Слово — архетип культуры, воплощение разума» (Шпет, 2007, с. 207) При такой возвышенной характеристике слова Г.Г. Шпет рассматривал его не изолированно, а в связке «слово — смысл», что интерпретируется как отношение «язык (речь) — смысл». Поэтому слово, по Г.Г. Шпету, не является ни простым отображением «заранее данного порядка бытия», ни инструментом, позволяющим сконструировать полностью мир сущего, в том числе и мир сознания (см.: Щедрина, 2009, с. 199). Г.Г. Шпет выделил «сферу разговора» как своего рода метафорический конструкт, позволяющий ему точно обозначить проблему коммуникативного пространства, в котором происходит не только понимание и интерпретация слова как знака сообщения, но само Я как «социальная вещь» становится продуктом этого пространства. Сфера разговора предполагает наличие общего контекста, контекста понимания (там же). Контекст понимания, сфера разговора — это культура, которую Г.Г. Шпет определял как «культ понимания». Культура же все превращает

в знак, в слово, иначе она не транслируема и теряет смысл и значение.

Характеристика сознания как культурно-исторического не означает его однородности. В семейном архиве Г.Г. Шпета сохранилась его запись, относящаяся к 1920-м годам³. Он выделил ряд моментов, а по сути дела, возникавших в истории человечества типов сознания, сосуществующих в современной культуре.

«Первый момент преодоления человеком его естественно-животного состояния есть язык и восприятие мира через посредство языкового (прежде всего, называющего) сознания, — и это первый момент социализации природы;

Второй момент — *религиозно-мифологическое* сознание — всякая вещь в мире вводится в социокультурный обиход через его посредство;

Третий момент — художественно-героическое сознание, — приобщающее природную вещь к социокультурному бытию через ее отрешение от действительности и через преобразование ее по сравнению с ее действительным бытием и значением;

Четвертый момент — *научно-техническое* сознание — материальное преобразование и социализация, но через познающее сознание;

Пятый момент — *культурно-историческое* сознание — преобразует самого человека как психофизическую особь в социального репрезентанта конкретного целого — через правовое сознание и пр. под руководством сознания и понимания наив-

но-исторических его достижений (классических эпох).

Шестой момент — *философско-культурный* — преобразует социальный лик человека» (Шпет, 2009, с. 202).

К шести моментам Г.Г. Шпета следует добавить седьмой — идеологическое, или фантомное, сознание, которое тоталитарные режимы впечатывают в головы своих подданных, и оно прорастает (интроецируется) в поведение и другие формы активности. Примечательна в этом смысле не слишком оптимистическая запись (в том же документе из архива) Г.Г. Шпета, свидетельствующая о потенциальной действительности и живучести перечисленных моментов (видов) сознания: «Начинается новая эра — ее основным признаком служит вовсе не то, что я чего-то не стал делать. Отрицательный признак существенно — не признак (и это NB! вообще), а то, что я стал возвращаться к той некритичной, глупой вере, на которой ничего не строю и строить не мог, но которая меняет прежнее отношение ко всем вещам». Под «новой эрой» Г.Г. Шпет, видимо, понимал начавшееся господство большевистской идеологии, о которой уже на ее закате писал М.К. Мамардашвили: «...всякая идеология в своем имманентном развитии доходит до такого пункта, когда ее эффективность, или рациональная эффективность, не зависит от того, разделяют люди эту идеологию или не разделяют ее. Почему? Да потому, что она разрушает словесное пространство, лишь

³ Автор благодарен М.Г. Шторх и Т.Г. Щединой, предоставившим и разрешившим опубликовать приведенные ниже записи Г.Г. Шпета.

внутри которого может артикулироваться и кристаллизоваться мысль» (Мамардашвили, 2008, с. 49). Поэтому-то приходится обращаться к трудам ученых и творениям художников, сохранявших словесное пространство сознания и мысли и оставивших нам превосходные образцы их кристаллизации.

Значит, разные социально-исторические генотипы сознания вполне могут синкретически уживаться в индивидуальном и в коллективном сознании и подавать свои голоса. В таком сосуществовании полифонии разных «моментов» сознания нет большой беды, пока, например, идеологический, технократический или мифологический, а то и мистический момент не становится преобладающим.

Бытийность сознания

Сознание не только свидетель, зритель, созерцатель, «отражатель» бытия. «Сознание творит мир», — провозгласил В.И. Ленин, умолчав, что оно же и разрушает его. Он доказал это своей ужасающей практикой. Лучше бы его собственное сознание только отражало. По словам В.Н. Волюшинова, сознание может приютиться в образе, в слове, в значащем жесте. М.М. Бахтин расширил число таких «мест». Он, возражая против чисто гносеологических трактовок сознания, «приютил» его в действии, в поступке. А поступок, по определению, причастен бытию, участвует в нем, поступок — это не алиби в бытии. Сознание не просто находит приют в поступке, оно уплотняется и воплощается в нем. Соответственно, М.М. Бахтин рассматривает само со-

знание как причастное и участвующее в бытии. Он справедливо говорит о том, что гносеологизм недооценивал момент оплотненности сознания в бытии, внешний лик сознания, судьбу воплощенного сознания (т. 1, с. 163). Мне сейчас не столь важно: определяется ли сознание бытием и отражает его или само определяет бытие и порождает его? Важно, что сознание участвует в бытии, бытийно, т. е. само является поступающим сознанием, ответственным за выбор и инициативу поступка. М.К. Мамардашвили называл подобное единым континуумом бытия-сознания, что практически беспредельно расширяет онтологию сознания и требует междисциплинарного подхода к нему (Велихов, Зинченко, Лекторский, 1988).

Бытийность сознания означает его объективность. М.М. Бахтин в «Заметках 1961 г.», хотя и написанных для себя, делает «дежурную» оговорку о том, что раскрытие внутреннего своеобразия сознания не противоречит материализму. «Сознание вторично, оно рождается на определенной стадии материального организма, рождается объективно, и оно умирает (объективно же) вместе с материальным организмом (иногда и раньше его), умирает объективно. Но сознание обладает своеобразием, субъективной стороной, для самого себя, в терминах самого сознания оно не может иметь ни начала, ни конца. Эта субъективная сторона объективна (но не объектна, не вещна). Отсутствие осознанной смерти (смерти для себя) — такой же объективный факт, как и отсутствие осознанного рождения. В этом своеобразии сознания» (т. 5,

с. 348). Я намеренно привел это высказывание М.М. Бахтина, чтобы лишний раз показать загнипнотизированному нейронаукой читателю, что гуманитарная область в целом и психология в частности не нуждаются в доказательствах объективности своего предмета от физиологической психологии, рефлексологии, нейронауки. Все они в своей совокупности смогли пока лишь доказать *субъективность* (и даже субъективизм) своего предмета исследования, хотя они в качестве такового избрали мозг (см.: Соколов, 2004; Швырков, 1995). Игре их воображения и фантазии могут позавидовать не только психологи, но даже психоаналитики (Зинченко, 2009). Объективность и онтология сознания не в нейроне и не в описании его работы, а в социальном бытии.

Психология не нуждается и в аргументах от фантазирующих философов, например, Р. Кирка, Д. Чалмерса и др., которые на основании логической возможности существования измышленного (М.М. Пришвин сказал бы «засмысленного») ими зомби опровергают материалистические и физикалистские трактовки сознания. Зомби (в их версии) лишен всех чувств, субъективности, сознания, но при этом ведет себя как нормальный человек. Поскольку существование зомби мыслимо, то сознание не обладает физической природой и материализм ложен. Исключена также и редукция сознания к мозгу. Несмотря на экзотический характер доказательства, антифизикалисты приходят к вполне разумному заключению, что полная теория сущего должна включать такое базовое понятие, как сознание (см.: Гарнцева, 2009).

Мне довольно безразлично обсуждение проблемы сознания в категориях материализма, идеализма, дуализма. Утверждение тезиса о бытийности сознания предполагает расширение понятия объективного за счет включения в него субъективного в качестве его необходимого определения (Зинченко, Мамардашвили, 1977).

Сознание, мысль, вовлеченные в событие, становятся событийными, приобретают тот особый характер «идеи-чувства», «идеи-силы», который создает их неповторимое своеобразие. Изъятая из событийного взаимодействия сознаний и втиснутая в монологический контекст идея неизбежно утрачивает свое своеобразие (т. 2, с. 15–16). Таким образом, М.М. Бахтин еще больше расширил число мест «дислокации» сознания, разместив его в «умном чувстве» и в «умной воле». Важно, что воплощенное в той или иной идее или в акте сознание не теряет своей цельности и конкретности. Удивительно, что А.Н. Леонтьев, развивавший психологическую теорию деятельности и утверждавший, что именно в ней рождается сознание, не включил в число образующих сознания, наряду с чувственной тканью образа, также и биодинамическую ткань действия. Ведь сознание «размещается» и воплощается также в «умном действии». Изучение жизни образов, действий, чувств требует не только внешнего описания, но и раскрытия их внутренних форм, внутреннего образа их структуры или тяги, добавил бы О. Манделштам. Слово «тяга» подчеркивает не только динамичность, но также интенциональность и энергичность структуры.

Лишь при условии такого анализа чувственную и биодинамическую ткань можно рассматривать в качестве образующих сознания.

Смысловые черты сознания

У М.М. Бахтина понятия «сознание», «ценность», «смысл», «переживание» как будто имеют общее гнездо. «Смысл подчиняется ценности индивидуального бытия, смертной плоти переживания»; в свою очередь, «переживание — это след смысла в бытии, это отблеск его на нем, изнутри самого себя оно живо не собою, а этим внележащим и уловляемым смыслом, ибо, когда оно не уловляет смысла, его вообще нет...» (т. 1, с. 187–188). Значит, и смысл, и переживание, как и сознание, бытийны. Г.Г. Шпет писал, что смысл укоренен в бытии, хотя и может быть из него абстрагирован. Л.С. Выготский называл переживание единицей анализа сознания и говорил о его системном и смысловом строении. Для развития такого представления, по мнению Л.С. Выготского, первостепенное значение имеет признание «а) изменчивости межфункциональных связей и отношений; б) образования сложных динамических систем, интегрирующих целый ряд элементарных функций; в) обобщенного отражения действительности в сознании» (Выготский, 1982, т. 1, с. 169). А.Н. Леонтьев возражал против того, что переживание может быть единицей анализа сознания. Со своей стороны, он предложил рассматривать в качестве «единицы» человеческой психики разумный смысл того, на что направлена активность человека (Леонтьев, 1972, с. 274).

В связи с бытийностью смысла сам собой напрашивается вывод о его объективности. Г.Г. Шпет язвительно отвечает противникам этого положения: «Идея, смысл, сюжет — объективны. Их бытие не зависит от нашего существования. Идея может влезть или не влезть в голову философствующего персонажа, ее можно вбить в его голову или невозможно, но она есть, и ее бытие нимало не определяется емкостью его черепа. Даже то обстоятельство, что идея не влезает в его голову, можно принять за особо убедительное доказательство ее независимого от философствующих особ бытия» (Шпет, 2007, с. 244). Если бы «голова, в которых отверстие для проникновения идей забито прочно втулкой», принадлежали только философствующим особам, то это было бы еще полбеда...

Г.Г. Шпет и М.М. Бахтин говорили об относительности разделения субъективного и объективного, так как в человеческой жизни, психике, сознании, творчестве постоянно наблюдаются акты субъективации объективного и объективации субъективного, поэтому их различие теряет смысл. Столь же решителен был А.Ф. Лосев (1994), назвавший область, которая не субъективна и не объективна, особым видом или сферой бытия. Именно к такой сфере относится смысл. Основное ее качество — значимость. Смысл значит, но не есть. А.Ф. Лосев разъясняет: «Смысл вещи не есть не только чувственная вещь, но не есть также и сверхчувственная субстанция» (Лосев, 2008, с. 455). Важнейшее качество смысла, отмечаемое А.Ф. Лосевым, состоит в том, что он так же возможен до субъект-объектного

противостояния, как бытие социальное — после этого противостояния. Конечно, поясняет А.Ф. Лосев, бытие и его смысл не разделены, неразоторжимы. «Но надо, чтобы было и то, и другое. Только когда есть бытие само по себе, не как смысл, но пока только как носитель смысла, и только когда есть смысл сам по себе, не как бытие, но только как смысл его, только тогда и можно говорить о смысле бытия» (Лосев, 2008, с. 459). Сказанное философом о смысле относится и к сознанию в целом. Этот кажущийся парадокс соотношения бытия и смысла (сознания) по-своему выразил М.М. Бахтин: «Свидетель и судия. С появлением сознания в мире (бытии) <...> мир (бытие) радикально меняется. <...> Этого нельзя понимать так, что бытие (природа) стало осознавать себя в человеке, стало самоотражаться. В этом случае бытие осталось бы самим собою, стало бы только дублировать себя самого (осталось бы одиноким, каким и был мир до появления сознания — свидетеля и судии). Нет, появилось нечто абсолютно новое, появилось *надбытие*. В этом надбытии уже нет ни грана бытия, но все бытие существует в нем и для него» (Бахтин, 1979, с. 341). Оставлю пока в стороне интереснейшее развитие сюжетов бытия и сознания С.Л. Рубинштейном в его посмертно опубликованной книге «Человек и мир» (Рубинштейн, 1973).

Смысл, как и все живое, упорно сопротивляется концептуализации, что не означает недостатка в его определениях. Скорее, их слишком много. На мой взгляд, лучшее принадлежит М.М. Бахтину: «*Смыслами я называю ответы на вопросы. То,*

что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла» (Бахтин, 1996, т. 1, с. 442). С.С. Аверинцев связывает эту характеристику смысла с бахтинским пониманием ответственности поступка.

Недостатки многих определений смысла компенсирует избыток его живых метафор (см.: Зинченко, 2007). Приведу наиболее уместные в настоящем контексте. Человек — это животное, находящееся в паутине смысла, которую он же сплел (М. Вебер). Добавлю: из бытия совместной деятельности и общения с себе подобными. Последнее обязательно. Согласно М.М. Бахтину, смертная плоть сказанного смысла и мира имеет ценностную значимость лишь оживленная смертною душою другого (Бахтин, 1996, т. 1, с. 202–203). В метафоре М. Вебера смысл выступает как своего рода внешняя форма, обволакивающая человека. Г.Г. Шпет использовал метафору кровеносной системы, которая омывает внутренние формы слова, образа, действия. Можно сказать, что она омывает человека внутреннего. Согласно М.М. Бахтину, внутреннее пусть по-своему и осмысленно, но, если оно отрывается от *лица* противостоящего смысла, которым только оно и создано, и противопоставляет себя ему — как самостоятельную ценность, то этим оно впадает в противоречие с самим собою, становится ложью; бытием лжи или ложью бытия. И, наконец, отрыв от лица смысла означает отпадение в бытие: «Когда я сам сплошь отпадаю в бытие, я погашаю ясность события бытия для меня, становлюсь темным, стихийно-пассивным участником в нем» (там же, с. 195).

Возможность отпадения человека в бытие и бытийность сознания —

это продуктивное противоречие (диалектика?!), которое надо держать в сознании. Приведу ироническую характеристику, данную М.М. Бахтиным «Песням из лабиринта» Вяч. Иванова, в которых звучат антропософские мотивы: «Вяч. Иванов рождение и смерть связывает с глубоким символом памяти: человек знает только рождение, смерть же недоступна его опыту. Непережитого страха не может быть в человеческой душе: страх смерти есть страх пережитого нами рождения. Так существует непрерывность плоти: от лона матери, через лоно жены к лону матери-земли. Из чрева, через чрево, к чреву. Но в это непрерывное движение вкрадывается новый момент: в один прекрасный день рождается сознание, и оно становится автономным. Но ему нет места в “Песнях из лабиринта”» (т. 2, с. 325). Автономность сознания означает относительную свободу от бытия. Не отпадение в бытие, а отрешение (отстранение) мира, как в искусстве. Свобода сознания относительна, а не абсолютна, поскольку сознание пронизывает поведение, деятельность, поступок, которые от бытия не свободны. И в то же время сознание может, например, отказаться от той или иной деятельности, предпочесть другую или построить новую. Сознание, как и смысл, — это особый вид бытия, *вплетенного* в бытие. Далее речь пойдет об относительно автономной от бытия «ткани» сознания.

Приведенные примеры метафорического овнешнения особого вида бытия — бытия смысла — это еще один аргумент в пользу возможности визуализации бытия самого сознания, его внешнего лика,

представления его в некоторой структуре.

Полифония сознания

Здесь я совершаю некоторую вольность. М.М. Бахтин видел основную заслугу Ф.М. Достоевского в создании полифонического романа, в котором представлена множественность неслиянных голосов и сознаний, т. е. подлинная полифония полноценных голосов. В романах Ф.М. Достоевского множественность равноправных сознаний с их мирами сочетаются, сохраняя свою неслиянность, в единство некоторого события (т. 2, с. 12). Вместе с тем М.М. Бахтин говорил не только о полифонии музыки, романа, но и полифонии мира, самой жизни, замысла, мысли, творчества. Отсюда можно было бы сделать заключение относительно полифонии индивидуального сознания. У М.М. Бахтина на этот счет имеются прямые указания. Анализируя речь Голядкина («Двойник»), он говорит: «Все произведение построено, таким образом, как сплошной внутренний диалог трех голосов в пределах одного разложившегося сознания. Каждый существенный момент его лежит в точке пересечения этих трех голосов и их резкого мучительного перебоя. Употребляя наш образ, мы можем сказать, что это еще не полифония, но уже и не гомофония. Одно и то же слово, идея, явление проводятся уже по трем голосам и в каждом звучат по-разному. Одна и та же совокупность слов, тонов, внутренних установок проводятся через внешнюю речь Голядкина, через рассказчика и через двойника, причем эти три голоса

повернуты лицом друг к другу, говорят не друг о друге, а друг с другом. Три голоса поют одно и то же, но не в унисон, а каждый ведет свою партию. Но пока эти три голоса еще не стали вполне самостоятельными, реальными голосами, тремя полноправными сознаниями. <...> Каждое слово диалогически разложено, в каждом слове перебой голосов, но подлинного диалога неслиянных сознаний, какой появится потом в романах, здесь еще нет» (т. 2, с. 119). Мне, собственно, достаточно фиксации М.М. Бахтиным наличия «внутриатомного контрапункта голосов в пределах одного разложившегося сознания» (т. 2, с. 120). Полифоничность сознания понятна и психотерапевтам, и исследователям измененных состояний сознания (Васильюк, 2007; Копьев, 2007). Меня, однако, интересует не полифония (может быть, скорее, какофония) разложившегося или изменившегося вербального сознания, а полифония «распределенного» поступающего сознания.

Поясню, что имеется в виду, обратившись к бахтинской характеристике поступка: «Только поступок, взятый извне, как физиологический, биологический и психологический факт, может представиться стихийным и темным, как всякое отвлеченное бытие, но изнутри поступка сам ответственно поступающий знает ясный и отчетливый свет, в котором и ориентируется. Событие может быть ясно и отчетливо для участника в его поступке во всех своих моментах. Значит ли это, что он его логически понимает?» (т. 1, с. 30). Далее автор поясняет, что все моменты события даны и заданы поступаю-

щему в едином свете, в едином и единственном ответственном сознании и осуществляются в едином и единственном ответственном поступке. Значит, поступок не только совершается в свете сознания, но и порождается изнутри поступающего сознания. Именно в этом смысле бессознательных поступков не бывает. «Фрейдовское бессознательное ничем принципиально не отличается от сознания; это только другая форма сознания, только идеологически иное ее выражение» (Волошинов, 1927, с. 127). Этому утверждению соответствует и оценка бессознательного Ж. Лаканом как речи другого. М.М. Бахтин об этом говорил, как о диалогическом разложении сознания: «Чужое слово постепенно и вкрадчиво проникает в сознание и речь героя: там в виде паузы, где ей не следует быть в монологически уверенной речи героя, там в виде чужого акцента, изломавшего фразу, там в виде ненормально повышенного, утрированного или надрывного собственного тона и т. п.» (т. 6, с. 247). Постепенно наступает полная диалогизация сознания.

Иное дело выразимость события поступка и, соответственно, его осознанность в слове. Здесь М.М. Бахтин занимает двойственную позицию: «Не следует, конечно, преувеличивать силу языка: единое и единственное бытие-событие и поступок, ему причастный, принципиально выразимы, но фактически это очень трудная задача, и полная адекватность не достижима, но всегда задана» (там же). Если воспользоваться введенными В. Гумбольдтом и развитыми Г.Г. Шпетом понятиями внешней и внутренней

формы, то дело может обстоять следующим образом. Поступок есть внешняя форма, а сознание — его внутренняя форма. Такое положение легче понять и принять, если учесть известное. За внешней формой действия скрыты в качестве его внутренних форм образ и слово; за внешней формой образа скрыты его внутренние формы действия и слова и т. д. М.М. Бахтин не пользовался этими понятиями, но его логика весьма близка логике Г.Г. Шпета. Последний рассматривал внутреннюю форму как путь. М.М. Бахтин пишет, что образ человека (не понятие, взятое вне соотношения «я — другой») тоже является путем, шагом к..., поскольку «форма дружности, конечно, в образе преобладает» (Бахтин, 1979, с. 319), то образ человека вполне можно рассматривать как внутреннюю форму, т. е. как тот же путь.

Смысловой персонализм М.М. Бахтина

М.М. Бахтин, обсуждая сюжет «Поступок и самоотчет-исповедь», пишет: «Живущий человек изнутри себя устанавливается в мире активно, его осознаваемая жизнь в каждый ее момент есть поступление: я поступаю делом, словом, мыслью, чувством: я живу, я становлюсь поступком». Следуя логике М.М. Бахтина, можно было бы продолжить: я становлюсь сознанием. Но далее автор продолжает: «В поступке отсутствует момент саморефлекса поступающей личности, он движется в объективном, значимом контексте. <...> Предметные миры ценностно всецело определяют поступок для самого поступающего. Для самого посту-

пающего сознания поступок не нуждается в герое (т. е. в определении личности), но лишь в управляющих и осмысливающих его целях и ценностях. Мое поступающее сознание как таковое ставит только вопросы: зачем, для чего, как, правильно или нет, нужно или не нужно, должно или не должно, добро или не добро, но никогда не ставит вопросы: кто я, что я и каков я. Моя определенность (я — таков) не входит для меня самого в мотивацию поступка; определенности личности совершающего нет в контексте, осмысливающим поступок для самого поступающего сознания...» (т. 1, с. 206–207). Значит, поступки определяются не только головами сознания, но и «голосами» предметных миров, их ценностями для поступающего.

Подобных поступков без «саморефлекса», т. е. таких, в которых рефлексия (рефлекс-и-я) минимальна в человеческой жизни, достаточно много (познание, творчество и пр.), и тем не менее они осознанны, осмысленны, в них присутствует сознание, хотя и без «я». В таком сознании место «я» вовсе не обязательно занимает подсознательное («оно»), которое М.М. Бахтин относит к внеположным сознанию силам, внешне (механически) его определяющим: от среды и насилия до чуда, тайны, авторитета. «Сознание под действием этих сил утрачивает свою подлинную свободу и личность разрушается» (т. 5, с. 355–356). Возможен и другой вариант, когда «оно» (двойник) воплощается в персонаж, чтобы вступить в диалогические отношения с «я», и таким образом осознается и преодолевается (т. 5, с. 369). Здесь мы уже имеем дело с рефлексией в

привычном смысле слова. Ее результатом, конечно, тоже может быть поступок вполне обдуманый, осознанный, который трудно считать непосредственным, нетехническим. Может быть и отказ от поступка:

*Так трусами нас делает раздумье,
И так решимости природный цвет
Хиреет под налетом мысли бледной,
И начинанья, взнесшиеся мощно,
Сворачивая в сторону свой ход,
Теряют имя действия...*

В. Шекспир

Впрочем, любая форма рефлексии двунаправлена: она может как побуждать, так и тормозить действие. В поступках без «саморефлекса» мы имеем дело с особым типом сознания, которое можно назвать бытийным сознанием. Точнее, бытийным слоем сознания или его бытийной сферой. В ней «я» и «мое сознание» как бы растворены. Для нее справедливы приведенные выше слова М.М. Бахтина: «Я живу, я становлюсь поступком...» Думаю, что не менее адекватным продолжением будет: я становлюсь смыслом.

По М.М. Бахтину, «"Смысл" персоналистичен: в нем всегда есть вопрос, обращение и предвосхищение ответа, в нем всегда двое (как диалогический минимум). Это персонализм не психологический, но смысловой» (т. 6, с. 434). И все же такой персонализм почти психологический. Мы постоянно встречаемся с метафорами «лик сознания», «лицо смысла», «образ идеи», воплощенной в герое, в его голосе: «Идея как предмет изображения занимает громадное место в творчестве Ф.М. Достоевского, но все же не она героиня его

романов. Его героем был человек, и изображал он в конце концов не идею в человеке, а, говоря его собственными словами, — «человека в человеке». Идея же была для него пробным камнем для испытания человека в человеке, или формой его обнаружения, или, наконец, — и это главное — тем *medium*'ом, той средой, в которой раскрывается человеческое сознание в своей глубочайшей сущности. <...> «Идеей в себе» в платоновском смысле или «идеального бытия» в смысле феноменологов Ф.М. Достоевский не знает, не созерцает, не изображает. Для Ф.М. Достоевского не существует идеи, мысли, положения, которые были бы ничьими — были бы «в себе». И «истину в себе» он представляет в духе христианской идеологии, как воплощенную в Христе, т. е. представляет ее как личность, вступающую во взаимоотношения с другими личностями» (т. 2, с. 40–41). Сам М.М. Бахтин в своем понимании сознания, идеи, истины ближе к Ф.М. Достоевскому, чем к Платону, к феноменологии. Он не обращается и к «единому сознанию» или «ничейному сознанию», с чем поспорил бы Г.Г. Шпет. Тем самым М.М. Бахтин оказывается не только ближе к психологии, но и сам выступает как подлинный психолог, прокладывающий новые пути к изучению не абстрактного, а вполне конкретного человеческого сознания.

Комментаторы его трудов также фиксируют, что «тесное, почти сущностное сближение личности со смыслом, а в дальнейшем с саморазвивающейся идеей <...> оттеняет своеобразие бахтинского персонализма, который сам М.М.Б. <...>

характеризует эпитетом «смысловой» <...>. Вместе с тем следует иметь в виду, что, сближая личность со смыслом, М.М.Б. отказывался от сближения личности с языком <...>, настаивая тем не менее на том, что только в слове и словом выражается личность (смысл)» (т. 5, с. 642). С моей точки зрения, сближение личности со смыслом более оправданно по сравнению со сближением ее со словом, которое мы встречаем у Г.Г. Шпета. Правда, и М.М. Бахтин утверждает наличие в тексте «свободного ядра», определяемого его личностной структурой. Такое «свободное ядро» свидетельствует об избытке степеней свободы заключенного в нем смысла. Иными словами, об открытости его интерпретации. Разумеется, текст несет на себе значение (или значимость), которое, согласно М.М. Бахтину, вне знакового воплощения, например, в виде какого-либо текста, является фикцией. Понятие «значение» функционально и «равнодушно-объективно». Именно поэтому оно подходит на роль единицы анализа сознания или его образующей (см.: Леонтьев, 1997; Зинченко, 2006). Казалось бы в качестве «конкурента» на такую роль может обсуждаться «со-значение» в смысле Г.Г. Шпета, предложившего интересный вариант объединения индивидуальных смыслов и социальных значений в некоторое единое образование: «Культурное явление, как выражение смысла, объективно, но в нем же, в этом выражении есть сознательное или бессознательное отношение к этому «смыслу», оно именно — объект психологии. Не смысл, не значение, а со-значение, сопровождающие *осуществление*

исторического субъективные реакции, переживания, отношения к нему — предмет психологии» (Шпет, 2006, с. 421). На роль образующей сознания (предмет психологии я сейчас не обсуждаю) может претендовать и *текст*, понимаемый М.М. Бахтиным во внелингвистическом смысле, т. е. не равнодушно-объективно. «За каждым текстом стоит система языка. В тексте ей соответствует все повторенное, воспроизведенное и повторимое и воспроизводимое, все, что может быть дано вне данного текста (данность). Но одновременно каждый текст (как высказывание) является чем-то индивидуальным, единственным и неповторимым, и в этом весь смысл его (его замысел, ради чего он создан). Это то в нем, что имеет отношение к истине, правде, добру, красоте, истории» (т. 5, с. 308). Текст, как и слово, хочет быть услышанным, понятым, ответным: «*Читателя! Советчика! Врача! / На лестнице колючей — разговора б!*» — трагический возглас О. Мандельштама — лучшее тому подтверждение.

Индивидуальная сторона текста, выходящая за пределы лингвистики и филологии, — это то, что входит в качестве предмета в науки о человеке. «Человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), т. е. создает текст (хотя бы и потенциальный). Там, где человек изучается вне текста и независимо от него, то это уже не гуманитарные науки (анатомия и физиология человека и др.)» (т. 5, с. 311).

Вот как «свободное ядро» текста выразил В.Н. Топоров: «Внутреннее (текстовое) пространство свободы неизмеримо сложнее, насыщеннее и

энергичнее внешнего пространства. Оно таит в себе разного рода суммации сил, неожиданность, парадоксы. <...> Оно есть чистое творчество как преодоление всего пространственно-временного, как достижение высшей свободы. <...> Создание «великих» текстов есть осуществление права на ту внутреннюю свободу, которая и создает “новое пространство и новое время”, т.е. новую среду бытия, понимаемую “как преодоление тварности и смерти, как образ вечной жизни и бессмертия”» (Топоров, 1983, с. 284). Несмотря на «преодоление всего пространственно-временного», сам текст обладает плотью, может быть плотным (Ю.М. Лотман), порой даже — железобетонным (ср.: «А слова его, как пудовые гири верны...»).

Внелингвистичность слов и текста следует понимать в духе Г.Г. Шпета: «Слово может выполнять функции любого другого знака, и любой знак может выполнять функции слова. Любое чувственное восприятие любой пространственной и временной формы, любого объема и длительности *может* рассматриваться как знак и, следовательно, как осмысленный знак, как слово. Как бы ни были разнообразны суппозиции «слова», специфическое определение его включает отношение к смыслу» (Шпет, 2007, с. 208). Именно в таком широком смысле следует рассматривать «текст» в структуре сознания. Несмотря на сделанные оговорки, в своей версии структуры сознания в качестве его образующих я использую предложенную А.Н. Леонтьевым пару: значение — смысл.

Подведем предварительные итоги. То, что мы называли выше обра-

зующими или конституирующими сознания, можно назвать «голосами», вносящими вклад в его становление, развитие и функционирование. К числу таких «голосов», помимо голосов «я» (первого, второго... N-ного самого человека) и другого, относятся голоса образов, действий (с их чувственной и биодинамической тканью), идей, переживаний, смыслов, со-значений, текстов, предметных миров и т. д. Образующие сознание голоса сами могут быть раздроблены (ср.: «двухголосое слово»), бороться друг с другом. Однако только все вместе они составляют (плетут) генерирующую и «оздоравливающую», «регенерирующую ткань сознания» (А.А. Ухтомский). Регенерирующая — значит органическая ткань, которая может не только болеть, но и дегенерировать, покрываться коростой идеологии, «новояза», мистики. Человеческое сознание может быть и «подкуплено бытием» (т. 5, с. 109), точнее, бытом. Наделение всего перечисленного голосами не совсем произвольно. Они все, по крайней мере, потенциально обладают правом голоса, т. е. могут быть осмыслены (омыслены), означены и озвучены. «Мы только с голоса пойдем, / Что там царялось, боролось» (О. Мандельштам). «Голос — это личность», — сказал поэт. Это отвечает определению голоса, которое дает М.М. Бахтин: «Сюда входит и высота, и диапазон, и тембр, и эстетическая категория (лирический, драматический и т. п.). Сюда входит и мировоззрение и судьба человека. Человек, как цельный голос, вступает в диалог. Он участвует в нем не только своими мыслями, но и своей

судьбой, всей своей индивидуальностью» (т. 5, с. 351).

Расширенному понятию голоса соответствует и расширенное понятие сознания, которое М.М. Бахтин нашел у Ф.М. Достоевского: «Сознание в сущности тождественно с личностью человека: все в человеке, что определяется словами «я сам» или «ты сам», все, что в нем он находит и ощущает себя, все, за что он отвечает, все между рождением и смертью» (т. 5, с. 351). Здесь сознание понимается не как отражение, не как закрытый и заверченный образ действительности, но как открытый образ-слово. Такой образ, который не созерцают, а за которым следуют (т. 6, с. 111). Расхожая «формула» сознания как высшей формы отражения действительности только еще больше завершает и закрывает его, а вместе с тем и закрывает от него действительность и самое себя.

Значит, мы вновь приходим к свободному, бодрствующему, активному, деятельному, участному в бытии и вместе с тем и к «сознательному» — рефлексивному — и к спонтанному сознанию. Чтобы быть (стать) таким, оно должно уметь (научиться) прислушиваться к многочисленным перечисленным выше и неперечисленным голосам, в которых состоит секрет его автономности и свободы. Ведь каждый голос в этом многоголосии (полифонии) обладает избытком степеней свободы, которые нужно уметь (научиться) ограничивать и преодолевать, дирижировать голосами и при этом самому оставаться свободным. Разумеется, диалогические отношения в таком многоголосии предполагают общность предмета интенции (направленности) (т. 5, с. 350).

Полифоническое мышление

Многоголосое, полифоническое сознание требует не только нового метода изучения, но и особого полифонического художественного мышления, выходящего за пределы романного жанра. Основание для такого заключения М.М. Бахтин видел в том, что «мыслящее человеческое сознание и диалогическая сфера этого сознания во всей своей глубине недоступны монологическому художественному подходу» (т. 6, с. 298). Если это действительно так, то, может быть, настала пора ввести полифоническое мышление в пока еще никем не установленные пределы психологии для изучения полифонического сознания. Это, правда, легко сказать, но трудно сделать. Ведь и сам М.М. Бахтин предупреждал, что сравнение романа Ф.М. Достоевского с полифонией имеет значение только образной аналогии, простой метафоры, не больше. Тем не менее он выделил существенные черты полифонического мышления. Секрет успеха М.М. Бахтина состоит в том, что он, подобно тому, как Ф.М. Достоевский искал и показывал в человеке человека, искал и показывал в Достоевском Достоевского. Полифоническое мышление должно не только смириться, но и поставить себе на службу многоплановость и смысловую многоголосность сознания, наличие в нем разномирности, многих систем отсчета, что подобно эйнштейновской вселенной. Сознание, как и романский мир Ф.М. Достоевского, на первый взгляд, представляется хаосом, каким-то конгломератом чужеродных материалов и

несовместимых принципов его оформления. Пути преодоления хаоса могут быть самыми разными: от окостеневания сознания, редукции его к одному-единственному голосу и достижения им ригидного «порядка» до подлинной свободы сознания, свободы, не ущемляющей образующих сознание голосов. «Сущность полифонии именно в том, что голоса здесь остаются самостоятельными и, как таковые, сочетаются в единстве высшего порядка, чем в гомофонии» (т. 6, с. 28).

Полифоническое мышление признает объективность неопределенности, случая, судьбы, смиряется с принципиальной незавершенностью избранного предмета исследования. Другими словами, признает наличие тайны сознания, к которой оно, следуя совету И. Канта, сможет (если сможет?) лишь прикоснуться, чтобы сделать ее более осязаемой, но не раскрыть. Это требование к мышлению вытекает из принципиальной незавершенности диалога голосов сознания. Это справедливо и для сознания, достигшего своих вершин: «Там на высях сознания — безумье и снег» (Н. Гумилев). Судьба приготвила поэту не снег, а черную дыру.

«Полифоническое мышление (видение) должно проникать в новые глубинные пласты, но не в глубь бессознательного, а в глубь-высоту сознания. Глубины сознания есть одновременно его вершины (верх и низ в космосе и в микромире относительно). Сознание страшнее всех бессознательных комплексов» (т. 5, с. 345–346). По поводу последнего комментаторы приводят (ссылаясь на А. Эткинду) слова З. Фрейда: «Когда сознание потрясено, невоз-

можно испытывать интерес к бессознательному» (т. 5, с. 663). Советская власть явно перестаралась, запретив в 1920-е годы психоанализ. Самому потрясенному большевистским переворотом сознанию стало не до бессознательного, а потом людям стало и не до сознания и не до бытия. То ли А. Белый, то ли Б. Пастернак сказал, что бытие заменилось бытом. О. Мандельштам заговаривал свое «Сознание полубморочным бытием...». Парадоксальным образом в таком полубморочном бытии потрясенное сознание у ряда людей начинало испытывать интерес к **подлинному бытию**, к самому себе. Почти по Ф.М. Достоевскому: страдание — единственная причина сознания. Переживший предощущение казни, Ф.М. Достоевский написал: «Бытие только тогда и есть, когда ему грозит небытие». И сделал для себя практический вывод: «Диалектика кончилась и началась жизнь». Для истории этот вывод оказался иллюзией

М.М. Бахтину, А.Ф. Лосеву, Э.В. Ильенкову, М.К. Мамардашвили, О. Мандельштаму, А. Ахматовой, Б. Пастернаку не нужно было измысливать зомби. Они воочию наблюдали практику зомбирования, применявшуюся к миллионам людей. И им действительно было не до бессознательного. Может быть, нужно с оптимизмом относиться к глобальному экономическому кризису, который пробудит интерес к сознанию? Появятся новые имена, новые теории сознания, новые взгляды на бытие. Не исключено, что и оно изменится.

Полифоническое мышление рассматривает сознание в целом как

«большой диалог», но вместе с тем предполагает его макро- и микроанализ. Учитывая имеющийся в психологии опыт, можно добавить к этому необходимость микроструктурного и микродинамического анализа голосов сознания.

Наиболее существенное требование полифонического мышления — сохранять целое целым. В. Гёте говорил: сущее не делиться на разум без остатка. М.М. Бахтин пишет: «Разъятие, разрывание, расчленение на части, разрушение целого как первофеномен человеческого движения — и физического и духовного (мысль)» (т. 5, с. 135). Он добавляет, что и анализ и синтез нового времени одинаково лежат в сфере расчленяющего сознания. Художественному и мыслительному, добавлю, и психологическому жесту расчленения на части М.М. Бахтин противопоставляет дистанцирующий, отдаляющий, оцельняющий и героизирующий эпический жест (движение сознания), относящий в абсолютное прошлое, увечняющий жест (т. 5, с. 137).

Выше была дана эскизная и предварительная характеристика полифонического сознания и полифонического же мышления, которое, конечно, и само есть род сознания. Как правило, метод исследования в науке не создается до выделения того или иного предмета исследования. Исключением, пожалуй, является математика, методы которой находят самое неожиданное применение. В случае изучения сознания мы сталкиваемся с беспрецедентной ситуацией: полифоническое сознание (желательно осознающее себя таковым) должно создать полифонический (а не набивший оскомину сис-

темный) подход (полифоническое мышление) для разработки средств познания себя самого. Такое похоже на характеристику поэтического искусства, данную О. Мандельштамом: «Поэт не только музыкант, он же и Страдивариус, великий мастер по фабрикации скрипок, озабоченный вычислением пропорций «коробки» — психики слушателя» (Мандельштам, 1987, с. 49). Но этого мало. Полифоническое же сознание должно служить критерием адекватности им самим создаваемого метода. Если персонифицировать предмет и метод его изучения, то получим ситуацию, с которой постоянно сталкиваемся в романах Ф.М. Достоевского, т. е. с ситуацией неслиянного и незавершенного диалога. С этим нужно не только смириться, но и принять в качестве источника вдохновения. З. Фрейд, К. Юнг, Э. Гуссерль, Г.Г. Шпет, М. Хайдеггер, М.М. Бахтин, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорский и др., каждый по-своему подходя к сознанию, расширяли наши представления о нем. Их мышление, несомненно, обладает чертами полифонии. А взятые все вместе они олицетворяют спор — согласие — диалог (хотя и заочный), который, конечно, должен быть продолжен.

От потока к активному покою

Вернемся к метафоре потока. Психология нередко использует в исследовательских целях физические методы измерения, но до использования методов гидро- и аэродинамики дело пока не дошло. Так что приходится поток останавливать

(остановим ли он?). Остановить поток — значит остановить мгновение, которое, по замечанию И. Бродского, не столько прекрасно, сколько неповторимо. «*В одном мгновеньи видеть вечность...*» (У. Блейк); «*Мгновенье длился этот миг, Но он и вечность бы затмил*» (Б. Пастернак); «*Моя душа — мгновений след*» (М. Цветаева). В «Разговоре о Данте» О. Мандельштам писал: «Даже остановка — разновидность накопленного движения: площадка для разговора создается альпийскими усилиями. Стопа стихов — вдох и выдох — шаг. Шаг — умозаключающий, силлогизирующий» (Мандельштам, 1987, с. 112).

Об этом же говорит и наука. В живом организме, как телесном, так и духовном, все дискретно: интервалы, кванты, волны наблюдаются в работе кровеносной и нервной систем, в перцепции, внимании, мышлении, в моторике, в смене функциональных и эмоциональных состояний. Озарение, инсайт приходят не во время ожесточенного действия, а в моменты покоя. А.А. Ухтомский для характеристики пауз, интервалов ввел понятие «активного покоя» и использовал для него образ «вихревого движения Декарта». М.К. Мамардашвили писал о существовании между потребностью и ее реализацией зазоров длящегося опыта и его психической проработки. Он называл их также зазорами неопределенности, которая уменьшается благодаря такой проработке (Мамардашвили, 2009, с. 111–112, 130). М.К. Мамардашвили «зазоры длящегося опыта» вслед за Р. Декартом называл «фиксированными точками повышенной интенсивности», в которых человек

как бы отрывается от привычного течения обстоятельств и отношений к ним. В эти-то моменты только и можно говорить об истинно человеческом бытии, когда с полной нагрузкой работает сознание, доопределяется мир и активизируется личность (Мамардашвили, 1990, с. 37).

М.М. Бахтин по-своему характеризовал покой и паузы. Анализируя поэтику Ф.М. Достоевского, он часто говорит о кризисном времени, в котором миг приравнивается к годам, к десятилетиям, даже к «биллиону лет» (как в «Сне смешного человека») (т. 6, с. 192); о времени «последних мгновений сознания» перед казнью или самоубийством, подобном времени кризиса. Ф.М. Достоевский как бы моделировал опыт собственных переживаний и сознания в своем творчестве. «Основной категорией художественного видения Ф.М. Достоевского было не становление, а сосуществование и взаимодействие. Он видел и мыслил свой мир по преимуществу в пространстве, а не во времени. <...> Разобраться в мире значило для него — помыслить все его содержания как одновременные и угадать их взаимоотношения в разрезе одного момента» (т. 2, с. 36–37). Здесь же М.М. Бахтин пишет о катастрофической быстроте действия, о «вихревом движении». Динамика и быстрота — не торжество времени, а преодоление его, ибо быстрота — единственный способ преодолеть время во времени. На языке психологии творчества подобное видение называют симультанностью, инсайтом, озарением и т. п. М.М. Бахтин называл это вневременным зияньем, образующимся между двумя моментами реального

времени, и подчеркивал стремление Ф.М. Достоевского сосредоточить в одном миге возможно большее качественное разнообразие. Отсылаю заинтересованного читателя к не очень простой философской аргументации относительно того, что живая структура смысла, или эйдос, есть *акт подвижного покоя* (Лосев, 2008, с. 479–480). Интересны размышления автора и об энергийном выражении смысла-эйдоса. Значит, сознание, как образ и смысл, обладает энергией покоя, энергией, накопленной при осуществлении движений, действий, поведения, деятельности... Энергия покоя меняет вектор его активности, подвижности с горизонтального, линейного на вертикальный, когда человек *«ищет горизонт по вертикали»* (И. Бродский). Как говорила М. Петровых: *«Нужно до-молчаться до стихов»*, т. е. до понимания, мысли, инсайта и... до сознания (Зинченко, 2005б). В состояниях активного покоя голоса слова и действия уступают место голосам образов и смыслов.

С «двигательным действием» (термин Н.А. Бернштейна) и с активным покоем связано еще одно важнейшее свойство сознания. Это ощущение (чувство) порождающей активности, присущей творцу и созерцателю. «Мы подчеркиваем, что дело идет о чувстве порождения значащего слова: это не чувство голого органического движения, порождающего физический акт слова, но чувство порождения и смысла и оценки, т. е. чувство занимания позиции цельным человеком, движения, в которое вовлечен и организм, и смысловая активность, ибо порождается и плоть и дух слова в их кон-

кретном единстве» (Бахтин, 1996, т. 1, с. 316–317). Мысли М.М. Бахтина о чувстве порождающей и формирующей активности близки к тому, что писали о значении артикуляционного чувства для порождения высказывания В.Ф. Гумбольдт, Г.Г. Шпет, Н.И. Жинкин. Все они обращали основное внимание на порождение слова. Однако чувство порождающей активности не менее важно для порождения образа, формирования действия. Над этими актами ведь тоже витает смысл перцептивной или двигательной задачи. Для подготовки к их исполнению нужно время, и это — время активного покоя. Наглядным подтверждением сказанного являются паузы при порождении речевого высказывания; увеличение длительности зрительных фиксаций при переходе от чтения легкого текста к чтению трудного; смена больших саккадических движений глаза при решении поисковых задач на малоамплитудные и дрейф при решении задач представительства и воображения; увеличение длительности остановок руки и глаза при изменении условий выполнения привычного действия (например, введение разного рода инверсии перцептивного и моторного полей, необходимости реагировать на срочный сигнал и т. п.) (Гордеева, 1995).

Н.А. Бернштейн писал, что мало видеть, как движение выглядит снаружи, нужно почувствовать, как оно выглядит изнутри. Чувство порождающей активности имеет универсальный характер и далеко выходит за пределы порождения речевого высказывания. Выше шла речь о чувственной ткани образа и биодинамической ткани движения и действия.

И та, и другая ткань является чувствующей. И в этой чувствительности в большей или меньшей степени присутствует эмоциональная составляющая (ср.: *emotion* и *e-motion*).

Итак, мы подошли к тому моменту, когда появились достаточные основания, чтобы остановить поток сознания. К числу таких оснований относятся *дискретность* и *членораздельность диалога*, его *перебои* и *обрывы*, *чередование движения и покоя* (бессильного и активного), вообще *дискретность человеческого движения*, его квантово-волновой характер, наличие квантов перцепции, флуктуаций внимания, измененных состояний сознания, наличие зазоров, кризисов, катастроф, порогов, подвесов, мигнов, озарений, инсайтов, смена векторов движения и т. д., и т. п.

Ткань сознания

Попробую дополнить метафору потока метафорой ткани сознания. Метафора ткани не должна быть неожиданной. К. Маркс говорил о материи сознания; О. Мандельштам о множественных состояниях поэтической материи, подобных множественному единству организма; М.М. Бахтин о диалогической ткани человеческой жизни; М.К. Мамардашвили об обществе как о ткани: «Она напоминает сложный, упакованный, содержащий в себе большую инерцию продукт исторических эволюционных процессов, размерность которых не совпадает с размерностью нашего макроскопического мышления, с нашими категориями пространства и времени, — продукт, обладающий такой размерностью, которая или минимально меньше, или

космически больше (что, кстати, одно и то же) размерности нашей модели действия» (Мамардашвили, 2008, с. 33–34), т. е. модели, не содержащей чего-то внешнего по отношению к самому деянию. Именно таким внешним автор считает органическую ткань социальной жизни, в которой действительно приобретают смысл (или обесмысливаются) наши действия.

Отсылаю читателя к текстам философа и обращаюсь к характеристике «поэтической материи», которую дал О. Мандельштам в «Разговоре о Данте»: «Поэтическая речь есть ковровая ткань, имеющая множество текстильных слоев, отличающихся друг от друга только в исполнительской окраске, только в партитуре постоянно изменяющегося приказа орудийной сигнализации. Она прочнейший ковер, сотканный из влаги, — ковер, в котором струи Ганга, взятые как текстильная тема, не смешиваются с пробами Нила или Евфрата, но пребывают разноцветны — в жгутах, фигурах, ибо узор есть тот же пересказ. (Ср.: банально-хрестоматийное: физиологическая канва и психологический узор, которое вновь входит в моду. — В.З.) Орнамент тем и хорош, что сохраняет следы происхождения, как разграниченный кусок природы. Животный, растительный, степной, скифский, египетский — какой угодно, национальный или варварский, — он всегда говорящ, видящ, деятелен. Орнамент строфичен. Узор строчковат» (Мандельштам, 1987, с. 109–110). О. Мандельштам не удовлетворился уподоблением структуры «*Divina Commedia*» ковровой ткани: «... я прихожу к выводу, что вся поэма представляет собой одну, единственную,

единую и недробимую строфу. Вернее, не строфу, а кристаллографическую фигуру, т. е. тело. Поэму насквозь пронзает безостановочная, формообразующая тяга. Она есть строжайшее стереометрическое тело, одно сплошное развитие кристаллографической темы. Немыслимо объять глазом или наглядно себе вообразить этот чудовищный по своей правильности тридцатитысячеграник» (Мандельштам, 1987, с. 120).

«Безостановочная формообразующая тяга» ткани (присутствующая и в «активном покое») — это Путь. Продолжу логику размышлений М.К. Мамардашвили: «...ткань пролагает пути. Если мы в ткани, то нас забрасывает на проложенные в ней пути» (Мамардашвили, 2008, с. 34). Иное дело, какой из путей мы выберем, встанем на него или проложим новый, свой собственный. Это, в первую очередь, зависит от того, создавали ли мы сами *орнамент* ткани сознания или в нее «извне — внутрь» впечатали готовый *узор*. Поразительно, что советская власть, решая безумную задачу создания «нового человека», более чем успешно практиковала приемы «извне — внутрь» или интериоризации своих идеологем, и при этом она еще имела претензии к Л.С. Выготскому. В любом случае «тело» ковровой ткани сознания обладает высокой прочностью. Для его уничтожения требуются «ковровые бомбардировки», подобные тем, которые осуществили Гитлер с Геббельсом и Сталин с Ежовым и Берией. К счастью, современные «бомбардиры» языка и сознания достаточно примитивны и более корыстны. Слабым утешением могут служить примеры из истории чело-

вечества и из истории отдельного человека, свидетельствующие о способности ткани сознания к оздоровлению и регенерации. У К. Ясперса мы встречаем мотив Ф.М. Достоевского: общество, оказавшись на грани небытия, прозревает собственную сущность. Плата за это оказывается чрезмерно дорогой. Некоторый оптимизм внушает то, что прозрение, по крайней мере, у одного человека иногда наступает мгновенно.

У читателя может возникнуть сомнение относительно уместности метафоры ткани (сознания) в бахтинской трактовке сознания как полифонии голосов. М.М. Бахтин делал заключения о свойствах сознания, анализируя творчество Ф.М. Достоевского, О. Мандельштам делал заключение о свойствах поэтической материи, анализируя творчество Данте. М.М. Бахтин, неоднократно обращаясь к «Божественной комедии», отмечал ее многоплановость, плюралистичность, даже полифоничность, правда, добавляя, что последняя у Данте формальна. Это дает мне некоторые основания распространить метафоры, используемые О. Мандельштамом для характеристики поэтической материи, и на сознание. В метафоре ковровой ткани содержится больше, чем просто характеристика «внешнего лика» сознания, она предполагает анализ его структуры. Моим «оправданием» может служить то, что никакая, даже живая метафора не может вполне отразить феномен сознания во всей его полноте и сложности. Однако прав был и Л.С. Выготский, сказавший, что *все слова* психологии суть метафоры, взятые из пространств мира (Выготский, 1982, т. 1, с. 369).

Если принять мою гипотезу о сходстве поэтической речи (материи) и сознания, то сам собой напрашивается вывод: оставь надежду всяк, берущийся за решение конкретной задачи дать внутренний образ структуры сознания. И все же, осознав размеры этого «бедствия», я не поставлю точку, хотя, видимо, это было бы самым разумным. Примем расшифровку метафоры О. Мандельштама за перспективу отдаленного развития исследований сознания. Перед тем как предложить свою, сделаю еще одно необходимое разъяснение.

Сознание как духовный организм

Разумеется, метафоры «ткани», «плоти», «тела», «кристалла» и т. д. не более, чем метафоры — тележки для переноса смысла, их не нужно понимать буквально. Образ, обладающий чувственной тканью, движение, обладающее биодинамической тканью, психологическое воспоминание, то или иное состояние индивида, в том числе личность как состояние духа, представляют собой его функциональные органы. Маска личности — тоже функциональный орган. Вводя понятие подвижного функционального органа, А.А. Ухтомский предупреждал против привычного связывания этого понятия с представлением о морфологически сложившемся, статически постоянном образовании. Он писал, что органом может быть всякое временное сочетание сил, способное осуществить определенное достижение (Ухтомский, 1927, с. 149). Такие органы после их формирования существуют виртуально и актуализи-

руются лишь по мере надобности (как ложноножка у амёбы). Наибольшее развитие идея функциональных органов получила в теории построения движений Н.А. Бернштейна (Бернштейн, 1966) и в психологической теории деятельности А.Н. Леонтьева, А.В. Запорожца и их последователей. Мысль А.Н. Леонтьева состоит в том, что одновременно или по мере формирования психических актов (новообразований) складываются и соответствующие функциональные органы мозга (Леонтьев, 1972, с. 540). Конечно, не только мозга, но и локомоций, руки, зрения, слуха и т.д. Понимание психических актов как виртуальных функциональных органов, предложенное А.А. Ухтомским, следует оценить как важнейший шаг на пути разработки антиредукционистских представлений о психике. Это особого рода экстрацеребральная реальность, обладающая собственной виртуальной морфологией и подчиняющаяся собственным законам развития и формирования. Естественно, что развитие и функционирование этой реальности, вполне заслуживающей быть названной духовным организмом, обеспечивается телесными механизмами, в том числе механизмами нервной системы и мозга (см.: Зинченко, 2004). Иное дело, что у нас нет другого способа представить себе виртуальные функциональные органы, как персонифицировать или опредметить их. Например, память — Мнемозина, «раковая опухоль души» (В. Набоков), «подвал» (А. Ахматова); забвение — Лета; ум — «желудок души» (В. Набоков); «глазастый разум» (И. Эренбург), «голод мысли» (О. Мандельштам), «мускулы

ума» (М.К. Мамардашвили) и др. Л.Н. Толстой говорил о «теле любви», М.А. Булгаков уподоблял любовь «убийце, молнии, финскому ножу». П.А. Флоренский писал о том же, не прибегая к грубоватым анатомическим сравнениям: «Что бы мы ни думали о человеческом разуме <...> он орган человека, его живая деятельность, его реальная сила, логос» (Флоренский, 1990, т. 1, с. 73). Логос, а не мозг! Персонификация и опредмечивание виртуальной реальности, с которыми мы сталкиваемся в искусстве и в науке, лишь подчеркивают их объективность, бытийственность, реальность.

Требования к структуре сознания

Итак, достаточно длительный поток сознания подводит нас, наконец, к структуре. Пожалуй, моим оправданием может служить то, что выше был представлен «поток сознания», в котором мое собственное участие было весьма умеренным. Поставлю запоздалый вопрос: а надо ли поток структурировать? Меня вдохновляет утверждение Г.Г. Шпета: «Духовные и культурные образования имеют существенно структурный характер, так что можно сказать, что сам «дух» или культура — структурны» (Шпет, 2007, с. 209). Что касается сознания, то оно, как и личность, и орган (организм), и результат духовной или культурной деятельности. Сознание, подобно функциональному органу, есть сочетание сил или распределение активностей в пространстве и времени. Взаимоотношения между последними могут быть достаточно сложными и неожиданными, как в *активном хронотопе*, где, помимо

пространства, представлены прошлое, настоящее и будущее. Благодаря такому слиянию хронотоп есть живая единица вечности (Зинченко, 2005а). Г.Г. Шпет формулировал требования к структурному описанию в контексте анализа слова, что имеет непосредственное отношение к сознанию. Структурное расположение образующих не «плоскостное», а, напротив, органическое, вглубь. Все члены (компоненты, образующие) структуры всегда должны присутствовать, хотя бы потенциально. В действующей структуре некоторые «члены» могут оказаться недоразвившимися, в состоянии эмбриональном, или дегенерировавшими, атрофированными. Рассмотрение как структуры в целом, так и в отдельных ее компонентах требует, чтобы никогда не упускались из виду ни актуально данные, ни потенциальные моменты структуры. Актуальная полнота никогда не дана *explicitite*. Все имплицитные формы принципиально допускают экспликацию. Работая над своей версией структуры, я старался, чтобы она удовлетворяла этим требованиям Г.Г. Шпета (Шпет, 2007, с. 208-209).

В качестве (уже не первого) приближения предлагается вариант достаточно простой структуры сознания, включающей в свой состав три слоя и шесть компонентов их образующих. Простота структуры обманчива, поскольку за каждым из компонентов скрыто богатейшее предметное и феноменальное содержание, а также опыт экспериментальных исследований, накопленный в психологии. На протяжении предшествующего изложения постоянно шла речь о возможных образующих (голосах)

сознания, пространство которых в принципе не ограничено. В его образовании (формировании, развитии) участвуют внешний и внутренний миры, поведение и деятельность индивида, и, что не менее важно, участвует и оно само. Поэтому трудно согласиться с Л.С. Выготским, утверждавшим в ранних работах, что проблема сознания есть проблема структуры поведения (Выготский, 1982, т. 1, с. 83). Задача состоит в том, чтобы ограничить число образующих сознание компонентов с тем, чтобы его структура была обозримой и в то же время если и не отвечала всем перечисленным выше свойствам сознания, то, по крайней мере, не противоречила им. Главными свойствами, которыми должна обладать структура, являются многоголосие (полифония), открытость миру, диалогизм, участность в бытии, рефлексивность, свобода, саморазвитие как его образующих, так и целого сознания. Не менее важно, чтобы структура не закрывала, а открывала «сферу разговора», содержала элемент недосказанности, приглашала к размышлениям по поводу загадок и тайн сознания. Например, как у героини баллады «Пария» В. Гёте сочетаются *мудрое духовное воление* и *дикое действие*?

Естественно, что как выделяемые слои, так и образующие их компоненты не должны быть чужеродными друг другу, иначе взаимодействие между ними будет невозможно, они просто не будут узнавать друг друга. Такому взаимодействию не противоречит постоянное столкновение в сознании выразимого и невыразимого. Еще одна загадка сознания состоит в том, что в его струк-

туре нет «причин» и «следствий» в привычном понимании этих слов. Есть только взаимодействие образующих (голосов), распределение их активности.

Итак, структура включает три слоя: бытийный, рефлексивный и духовный. Речь идет не о генетической последовательности и не о иерархической соподчиненности. Это, скорее, слабо дифференцированная гетерархия, формирование которой происходит одновременно и параллельно. Она диалогически (драматически) складывается в пространстве *Между*. Между Я — Ты (или Я — Другой) и между Я — Мир. Согласно М. Буберу, М.М. Бахтину, Л.С. Выготскому, пространство *Между* есть событийное пространство человеческой жизни. Начнем с бытийного (экзистенциального) слоя сознания.

Его образуют биодинамическая ткань живого движения и действия и чувственная ткань образа. Биодинамическая ткань столь же избыточна по отношению к уже освоенным скупым, экономным движениям, действиям, жестам, как избыточны степени свободы кинематических цепей человеческого тела (Бернштейн, 1966). Она представляет собой «строительный материал» поведения и деятельности. Аналогичным образом столь же избыточная чувственная ткань представляет собой строительный материал образа. Оба вида ткани равно необходимы для построения образа мира и целесообразного действия в нем. Развернутое во времени движение, совершающееся в реальном пространстве, постепенно трансформируется в симультанный образ пространства, как бы лишенный

координаты времени. В свою очередь, пространственный образ, как сжатая пружина, может развернуться во временной рисунок движения. Другими словами, действие и образ попеременно выступают то как внешняя, то как внутренняя форма. Для иллюстрации взаимодействия биодинамической и чувственной ткани подходит образ ленты Мёбиуса. Близкий к ней образ представлен на рисунке Эшера «Кожура апельсина». На бытийном уровне сознания решаются задачи, фантастические по своей сложности. Строятся не только образы мира и образы действий (поведения) в этом мире, но и преодолевается избыточность того и другого, а в пределе — создается способность свободного (полнезависимого) действия-поступка в мире. Замечательным свойством биодинамической ткани является ее собственная способность к чувствительности (видение движения изнутри). При этом она обладает двумя видами чувствительности: чувствительность к ситуации и чувствительность к возможности достигающего исполнения. Чередование их по фазе, с частотой несколько раз в секунду представляет собой основу неосознаваемой (фоновой) рефлексии, на базе которой строятся более высокие формы рефлексивного поведения (Гордеева, Зинченко, 2001).

Рефлексивный слой сознания образуют текст и смысл, между которыми устанавливаются диалогические отношения. Как говорилось выше, в данном контексте текст следует понимать во внелингвистическом смысле. Текстом может быть любое событие, включая природное. Из текста извлекается (или вчитыва-

ется свой) смысл. Извлеченный смысл немедленно или с задержкой означивается, становится текстом высказывания, поведения, деятельности, поступка. Для простоты можно описать это в терминах взаимоотношений значений и смыслов. На пересечении противоположно направленных актов — осмысления значений и означивания смыслов — образуются значения второго порядка или со-значения, в которых сливаются объективное и субъективное. Слияние смыслов и значений в со-значениях — это и есть необходимое условие и благоприятная почва для осознанной рефлексивной оценки ситуации и своих возможных действий в ней.

Наконец, духовный слой сознания образуют взаимодействующие: Я — Другой. Это хорошо изученный и бесконечный сюжет. Последствия и «продукты» такого взаимодействия неисчислимы. В нем складываются базовые чувства доверия/недоверия к миру, складываются и высшие человеческие чувства любви к ближнему. Основанием для использования эпитета «духовный» применительно к этому слою сознания является то, что главным в его становлении является любовь матери к своему чаду. Такая любовь есть высшее проявление человеческого духа (независимо от того, подозревает ли она об этом или просто любит). Именно в этом слое сознания образуется представление о Я, которое затем разделяется на «Я — второе Я». В предложенной структуре не выделены «блоки» чувств и переживаний. Они в ней присутствуют латентно. Напомню, что А.А. Ухтомский определял

функциональные органы, к которым относятся образ, действие, мышление, да и само сознание, как *сочетание сил*. Так же он определял и функциональные состояния индивида, к числу которых относятся не только состояния сна, бодрствования, утомления, напряженности, но человеческие чувства, которые могут становиться доминантами души. Неожиданное подтверждение подобной трактовки чувства находим у Б. Пастернака, справедливо заметившего, что «в рамках сознания сила называется чувством» (Пастернак, 1985, с. 174). Соединение аффекта с интеллектом, чувства с понятием, согласно Л.С. Выготскому, есть свобода.

Все компоненты предложенной структуры взаимодействуют друг с другом не только по горизонтали, но и по вертикалям и диагоналям.

Если (до или без детального описания) представить предложенную структуру в целом, то рефлексивный слой не случайно занимает в ней промежуточное положение между бытийным и духовным слоями. Рефлексивный слой, наряду со своими собственными функциями, выполняет по отношению к другим слоям своего рода контрольные функции: он не позволяет бытийному слою слишком заземляться, погружаться в быт, а духовному — чрезмерно вос-

парять, вовсе отрываться от реальности и растворяться в мифах. Не строить Вавилонские башни, а следовать принципу О. Манделштама: «Мы поднимаемся только на те башни, которые можем построить».

Детальное описание структуры сознания потребовало бы написания специального текста.

Несколько слов в заключение. Мыслимая структура сознания не только полифонична, но и полицентрична. Каждая из образующих бытийного, рефлексивного и духовного слоев сознания может стать его центром. Смена таких зафиксировавшихся (иногда болезненно) центров тем легче, чем выше духовная вертикаль, представленная в сознании. А подобная смена необходима, поскольку сознание должно быть открытым, свободным и всеобъемлющим, если, конечно, оно не отравлено и не замесилось идеологией, «обманами путеводными», т. е. «ложным сознанием». Смена необходима и для поиска точки опоры, для самопознания. Другими словами, полицентризм столь же необходим сознанию, как моноцентризм — совести. Полицентризм и плюрализм совести равнозначны ее отсутствию. Но это уже философия (и онтология) не психологии, а этики, морали, нравственности, которые, впрочем, не должны быть чужды и психологии.

Литература

- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
- Бахтин М.М.* Собр. соч. В 7 т. М.: Русские словари, 1996–2003.
- Бернштейн Н.А.* Очерки по физиологии движений и активности. М.: Медицина, 1966.
- Васильюк Ф.Е.* Культурно-антропологические условия психотерапевтического опыта // Культурно-историческая психология. 2007. № 1. С. 80–92.
- Велихов Е.П., Зинченко В.П., Лекторский В.А.* Сознание: опыт междисциплинарного исследования // Вопросы философии. 1988. №11. С. 3–30.
- Волошинов В.Н.* Фрейдизм. Критический очерк. М.–Л.: ГИЗ, 1927.
- Волошинов В.Н.* Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л.: Прибой, 1929.
- Выготский Л.С.* Собр. соч. В 6 т. М.: Педагогика, 1982–1984.
- Гарнцева Н.М.* Антифизикалистские аргументы в учении Д. Чалмерса о сознании // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 93–105.
- Гордеева Н.Д.* Экспериментальная психология исполнительного действия. М.: Тривола, 1995.
- Гордеева Н.Д., Зинченко В.П.* Роль рефлексии в построении предметного действия // Человек. 2001. № 6. С. 26–41.
- Жид А.* Подземелья Ватикана. М.: Московский рабочий, 1990.
- Зинченко В.П.* Духовный организм и его функциональные органы // Труды Ярославского методологического семинара. Ярославль: МАПН, 2004. Т. 2. С. 101–120.
- Зинченко В.П.* Живое время (и пространство) в течении поэтической и философской мысли // Вопросы философии. 2005а. № 4. С. 20–46.
- Зинченко В.П.* Принцип активного покоя в мышлении и действии // Культурно-историческая психология. 2005б. №1. С. 57–68.
- Зинченко В.П.* Сознание как предмет и дело психологии // Методология и история психологии. 2006. № 1. С. 207–231.
- Зинченко В.П.* Порождение и метаморфозы смысла: от метафоры к метаформе // Культурно-историческая психология. 2007. № 3. С. 17–30.
- Зинченко В.П.* Ответ психолога физиологам («Работа по психологии» Г.Г Шпета) // Вопросы психологии. 2009. № 3. С. 72–81.
- Зинченко В.П., Мамардашвили М.К.* Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. 1977. № 7. С. 109–125.
- Копьев А.Ф.* О диалогической природе психотерапевтического опыта // Культурно-историческая психология. 2007. № 1. С. 93–100.
- Лакофф Дж.* Когда когнитивная наука приходит в политику: Ответ на рецензию Стивена Пинкера // Логос. 2006. № 5 (56). С. 50–57.
- Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977.
- Лосев А.Ф.* Логическая теория числа // Вопросы философии. 1994. № 11. (Цит. по: Философия, наука, культура. «Вопросам философии» 60 лет. М.: Вече, 2008. С. 450–491.
- Мамардашвили М.К.* Классический и неклассический идеал рациональности. Тбилиси: Мецниероба, 1984.

- Мамардашвили М.К.* Как я понимаю философию. М.: Прогресс. Культура, 1990.
- Мамардашвили М.К.* Из «Вильнюсских лекций по социальной философии» // Синий диван. 2008. № 13. С. 31–49.
- Мамардашвили М.К.* Опыт физической метафизики. М.: Прогресс — Традиция, 2009.
- Мандельштам О.* Слово и культура. М.: Сов. писатель, 1987.
- Пастернак Б.* Избранное. В 2 т. М.: Искусство, 1985. Т. 2.
- Пинкер С.* Завязывайте с метафорами! // Логос. 2006. № 5 (56). С. 39–49.
- Рубинштейн С.Л.* Человек и мир // Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973.
- Сенокосов Ю.П.* Имя и дело: Мераб Мамардашвили // Следующий шаг. 2009. № 7. С. 8–21.
- Соколов Е.Н.* Нейроны сознания // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. Т.1. № 2. С. 3–15.
- Топоров В.Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983.
- Ухтомский А.А.* Парабиоз и доминанта // Ухтомский А., Васильев Л., Виноградов М. Учение о парабиозе. М., 1927.
- Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины. В 2 т. М.: Правда, 1990.
- Швырков В.Б.* Введение в объективную психологию: нейронные основы психики. М.: Изд-во ИП РАН, 1995.
- Шпет Г.Г.* Philosophia Natalis. Избр. психолого-педагогические труды. М.: РОССПЭН, 2006.
- Шпет Г.Г.* Искусство как вид знания. Избр. труды по философии культуры. М.: РОССПЭН, 2007.
- Шпет Г.Г.* Заметки // Дом А. Бурганова. Пространство культуры. 2009. № 1. С. 202–203.
- Щедрин Т.Г.* Философия культуры Гутсава Шпета (по материалам архива) // Дом А. Бурганова. Пространство культуры. 2009. № 1. С. 191–201.
- James W.* The principles of psychology. (2 vol.) New York: Holt, 1890.
- Kreiman G., Fried J., Koch G.* Single neuron correlates of subjective vision in the human medial temporal lobe // Proc. Natl. Acad. Sci. USA. 2002. V. 99. № 12. P. 8378–8383.